

Бриллианты Шалыпина

— Кто из нотариусов описывал имущество Бакшеевой?

— Андрюшин.

— Он работает сейчас?

— Нет, на пенсии...

Информация, полученная в нотариальной конторе, подхлестнула меня. Кое-что стало проясняться. В те две недели, прошедшие до поступления из милиции заявления об открышемся наследстве Шалыпиной, злоумышленники, конечно же, имели возможность несколько раз перетрясти имущество покойной. И хорошо Пашков: «обработал» не одно состояние!

...В назначенное время подъезжаем с Фадеевой к бывшему дому Шалыпина на Новинском бульваре (теперь улица Чайковского).

— Здобнов Ростислав Николаевич, директор музея имени Глинки, — представился пожилой седовласый мужчина и уточнил: — Фамилия по-старому пишется через «З».

— А это Алла Самсоновна Пронина, — кивнул на стоящую рядом полноватую женщину директор, — моя заместительница по филиалу — музею Шалыпина.

— Больно уж много начальников, — проронила Серафима Васильевна, — сразу и не разберешься, кто есть кто. Насколько я помню, существует еще и собственно директор музея Шалыпина?

— Да, — подтвердил Здобнов. — Фамилия его Соколов. Куда-то отошел сейчас...

— Ну а командует всем Савченко, — заключила Фадеева.

Директор и его заместительница переглянулись.

— К сожалению, Людмила Георгиевна тяжело больна, — сказал Ростислав Николаевич. — Как главный хранитель, она, конечно же, о многом могла бы рассказать.

Мы пошли по музею. В комнате, где была когда-то спальня, я обратил внимание на красивые венчальные свечи.

— Те самые, с которыми стояли в церкви Федор Иванович и Иола Игнатьевна, — пояснил Здобнов.

— Надо полагать, попали в музей из квартиры Ирины Федоровны? — задал я ему вопрос.

— Приобрели их у Пашкова — родственника Бакшеевой.

— Как у Пашкова? — встрепенулась Фадеева. — Я сама видела эти свечи у Ирины Федоровны. Каким образом они могли очутиться у него?

— Не знаю, — ответил директор. — Факт тот, что именно он отдал их нам.

— И за какую же сумму?

— Надо уточнить... Вообще от Пашкова поступила не одна вещь...

— Что еще, например? — ухватился я за эти слова.

— Охотничье ружье Шалыпина, картины, книги...

— Любопытно, — произ-

несла в раздумье Серафима Васильева. — Есть, конечно, и соответствующие акты купли-продажи?

— Безусловно, — подтвердил Здобнов.

Вошли в столовую. Посредине просторной комнаты стоял широкий обеденный стол, застланный белой скатертью.

— Обратите внимание на шалыпинский вензель, — тронул рукой край скатерти директор. — На этот вот чудный буфет, мы привезли его из саниатория «Узкое».

Он подошел к стенке с посудой и открыл одну из створок:

— Как и при хозяйне, на месте столовый сервиз, изготовленный к трехсотлетию дома Романовых Императорским Петербургским заводом. Тут около ста предметов.

— А откуда эта дорогая люстра? — перебила директора Фадеева.

— По-моему, купили у вдовы артиста Кторова.

— Я так и предполагала. В доме Шалыпина люстры были иными.

— Две подлинные мы имеем, — сказал Здобнов. — Их вроде бы тоже предложил Пашков. Дальше увидим.

Миновали зеленую гостиную с каминном. Украшением ее были картины Саврасова, Полёнова, Остроухова, Коровина, скульптура Трубецкого, напольные английские часы. В кабинете Федора Ивановича между Фадеевой и Здобновым опять разгорелся спор.

— Что это за стол? — спросила с удивлением директора Серафима Васильевна.

— Обыкновенный старинный секретер.

— Но ведь не шалыпинский?

— Нет.

— Зачем же его выставили?

— Ну ведь что-то надо было поставить, — замаялся Ростислав Николаевич.

— Письменный стол Федора Ивановича, — сказала Фадеева, — розового дерева с бронзой и медальонами. Тот самый, что находился в квартире Ирины Федоровны.

— Где же он? — глянув искоса на Серафиму Васильевну, спросил Здобнов.

— Мне тоже очень хотелось бы об этом узнать, — ответила с неким вызовом она. — Впрочем, как и о многом другом... Например, о судьбе шалыпинской библиотеки.

Директор музея потупил взгляд:

— Часть книг у нас...

— Не смешите меня, Ростислав Николаевич, — отмахнулась Фадеева. — У вас жалкие остатки некогда богатой коллекции книг с автографами известнейших писателей начала века... Да... Давно вас хотела спросить: а как понимать выверты с шалыпинским роелем?

Молчавшая все это время заместительница директора музея имени Глинки Пронина встрепенулась:

— К чему наговаривать на праслину? Роаль мы купили у Ирины Федоровны. Еще при ее жизни.

— Вот как! — всплеснула руками Серафима Васильевна. — Неужели продала?

— Показать расписку?

— Не верится... — засомневалась Фадеева. — Может, все обстояло так же, как и с театральными костюмами Федора Ивановича?

Лицо у Прониной побледнело:

— Разве с костюмами не разобрались?

— Не знаю, — пожалала плечами Серафима Васильевна. — Татьяна Федоровна, насколько мне известно, из пяти костюмов, присланных женой Бориса Федоровича, узнала только два.

Посещение дома на Новинском бульваре оставило грустное впечатление. Права была Серафима Васильевна: музей превратили в хранилище антикварной мебели, дорогих люстр и портбьер, в склад картин и скульптур. Во всяком случае шалыпинского духа в нем не чувствовалось. Но больше всего меня потрясло известие о том, что Пашков распродает шалыпинские вещи!

Почему Здобнов и Пронина сами рассказали об этом? Ведь не новость, что иные сотрудники московских музеев «срослись» с работниками антикварных магазинов, скупают ценные вещи, реставрируют их и затем сбывают богатым покупателям.

В одном из флигелей шалыпинского дома Музей имени Глинки оборудовал мастерскую по реставрации старинной мебели. Зачем? Если бы речь шла о восстановлении музыкальных инструментов, тогда другое дело. А тут на потоке: старинные бюро, секретеры, буфеты, стулья... Не ясно было и с какой целью «Глинки» вот уже двенадцать лет держат за собой квартиру покойной дочери Шалыпина. Директор уверял, что у них там нечто вроде хранилища, однако я почему-то засомневался в этом. Выказал пожелание тут же съездить на Кутузовский проспект, на что Здобнов ответил: «К сожалению, ключи у Савченко, попасть сейчас в квартиру мы не сможем...»

Мой интерес к шалыпинскому наследству, как и предполагала Фадеева, побудил к активному действию тех, кто приложил к нему руку. Надо было торопиться с поиском. Но ведь я не мог ни с кого ничего потребовать, оставалось лишь набраться терпения и по мере сил потихоньку продолжать раскручивать запутанный клубок. Перебирая как-то бумаги на своем рабочем столе, я наткнулся на письмо Татьяны Федоровны Шалыпиной (Черновой), посланное ей архитектору Духаниной. Стал читать: «Надеюсь, ты получила «завещание» и многое тебе станет ясно...»